

Праксиология в зеркале метафилософии

Виктор Иванович Чуешов

*Доктор философских наук, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, профессор
tchue@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрены генезис и метафилософские аспекты философии как деятельности. Выявлены различные типы интерпретации философии как деятельности, а также особенности праксиологии в структуре философского знания.

Ключевые слова: Метафилософия, праксиология, философия деятельности.

Praxeology in the Mirror of Metaphilosophy

Viktor Ivanovich Tchouechov

*Doctor of Philosophical sciences, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Professor
tchue@mail.ru*

Abstract: The article considers the genesis and metaphilosophical aspects of philosophy as an activity. Various types of interpretation of philosophy as an activity, as well as the features of praxeology in the structure of philosophical knowledge, are revealed.

Keywords: Metaphilosophy, praxeology, philosophy of activity.

© В.И. Чуешов (Минск). tchue@mail.ru. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-101-106

Философия как знание и деятельность стала объектом прицельного осмысления в европейской классической философии еще у Аристотеля. В его филигранном анализе непростых взаимоотношений философии и первой философии; опыта, искусства, науки как форм деятельности, с одной стороны, и их предельных оснований, с другой, единства и различия философии теоретической, практической и творческой и др. было оформлено концептуальное ядро предметной области метафилософии, как относительно самостоятельной отрасли философского интереса. Это ядро до сих пор не только задает репертуар разнообразных исследований природы философского знания и деятельности, но и характеризует важнейшие особенности философии как знания и деятельности, а также понятий философии и философа [1].

Отдавая в наши дни должное аристотелевским классическим представлениям о специфике философии как знания и деятельности, нельзя, однако, сказать, что они исчерпывают собой многообразие и богатство предметной области метафилософии, взятой в ее историческом развитии. В этой области, как нам представляется, и сегодня заслуживают более пристального внимания, например, особенности устной и письменной форм философствования, философии как знания и образа жизни, единство и различие философии теоретической и практической и многое другое. И не только применительно к вроде бы уже неплохо изученного историками философии творчеству Сократа, его майевтики и диалектики, смыслу и подтексту представлений Сиддхартхи Гаутамы о четырех благородных истинах или взглядов Кун-фу-цзы о необходимых и достаточных признаках образа жизни и мысли благородного человека [2]. Предметная область современной метафилософии сформировалась также и благодаря углубленному анализу природы человеческой деятельности в поздней классической философии. В ней усилиями И. Канта, совершившего по собственной оценке, коперниканский переворот в философии,

понятие деятельности стало рассматриваться как ближайшее видовое по отношению к знанию, оценке, действию, а философия была метатрансформирована в трансцендентальное философствование. Одним из важных следствий данного процесса стали многочисленные метафилософские по своей природе попытки выявления и обоснования в структуре философского знания такого его относительно самостоятельного раздела как философия деятельности, а также выработки для него соответствующего имени.

Рассмотрим далее чуть подробнее особенности данной философии в свете ее кантовского подтекста, задаваемого следующими знаменитыми вопросами кенигсбергского мыслителя: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться?» Их подтекст, очевидно, лежит почти на поверхности, и Канта в формулировке данных вопросов интересовало не знание, действие, оценка в философии сами по себе, а более общий, по сути метафилософский смысл познавательной, практической (моральной, нравственной) и аксиологической (прогностической) деятельности.

Важно обратить внимание на то, что ключевым для философии деятельности в целом И. Кант считал следующий принципиальный вопрос: «Что такое человек?». С этой точки зрения для него подлинная и цельная философия деятельности была в первую очередь философией человека, и человека не как средства, но цели. Иначе говоря, философия деятельности для Канта была ничем иным, как философской антропологией в подлинном смысле того слова. Оставляя далее в стороне вопрос о правомерности и (или) необходимости сведения философии деятельности к философии человека, будем исходить из того, что оно не только в поздней классической, но, и в ранней и поздней неклассической, например, в немецкой философской мысли не было очевидным. В ней философия деятельности, с одной стороны, снималась в гегелевских представлениях об абсолютной идее, как одном из возможных образов философии, как квинтэссенции культуры, а, с другой стороны, утверждалось в шелеровских представлениях о необходимости синтеза всех типов знания (научного, философского, религиозного) в деле выработки полновесного ответа на вопрос о сути человека. Оставляя за скобками внимания далее разнообразные нюансы антропологической перспективы в интерпретации сути философии деятельности, обратим внимание на следующее. Важными следствиями кантовского коперниканского переворота уже в ранней неклассической философии стало оформление в ней еще в середине XIX в., по меньшей мере, нескольких ракурсов интерпретации философии деятельности.

Во-первых, ракурса, утвердившегося, прежде всего, в марксизме, а также в неокантианстве, что природа одного важнейшего вида деятельности в принципе определяют и природу (сущность) человека, и динамику предмета философского знания, а также роль философии в цивилизации и культуре.

Во-вторых, также получившего развитие в XIX в. несколько иного подхода, согласно которому философия как деятельность, является ничем иным как философией деятельности, для обозначения которой необходимо соответствующее понятие.

Для этих целей в Европе с конца позапрошлого века стало использоваться понятие праксиологии (от греч. *praxis* – действие и *logos* – учение), а в США в работах У. Джемса имя прагматизма (от греч. *pragma* – дело, действие), а в трудах его основоположника Ч. Пирса прагматизма.

Рассматривая предпосылки и историческую динамику философии деятельности, заданные тремя знаменитыми кантовскими вопросами, и сегодня нельзя забывать о фихтевском учении о взаимодействии «Я» и «не-Я», представлениях С.Кьркегора об экзистенциальном выборе человека, кантовском учении о трех стадиях развития человеческого ума, установках К. Маркса о необходимости практического изменения мира. На этом фоне, с одной стороны, более скромными, а, с другой стороны, поучительными во многих отношениях были представления о философии деятельности польского философа гегельянца А. Цешковского (1814-1894) реализованные в его работе о пролегоменах к

историософии. В ней, увидевшей свет в 1838 г., обосновывалась необходимость внедрения гегелевской умозрительной философии в жизнь (будущее) в виде определенной системы человеческой деятельности.

Сходным образом трактовалась философия деятельности в работе такого современника и идейного конкурента К. Маркса, как М. Гесс (1812-1875).

Он не от Канта, а от Гегеля приходил к идее необходимости философии деятельности в практически неизвестной отечественному читателю работе «Философия дела» (1843), являясь представителем так называемого истинного социализма, критиком отчуждения и апологетом практической этики коммунистического свободного труда. По сравнению с А.Цешковским, Гесс, оценивая деятельностный подтекст философии духа Гегеля, был более категоричным. Для него, важнейшей задачей реформирования гегелевской философии в целом была ее полноценная трансформация в «философию дела» (в нее и должна была трансформироваться гегелевская философия духа). Вместе с тем, и А. Цешковский, и М. Гесс, насколько нам известно, не предлагали для обозначения философия действия специальной терминологии. Греческую терминологию для этих целей не использовал также и К. Маркс, в одиннадцатом тезисе которого о Л. Фейербахе в 1845 г. утверждалась необходимость с помощью философии практического преобразования мира.

Противопоставляя свое понимание действия его фейербаховской интерпретации в «грязно торгашеской форме», Маркс рассматривал практическую деятельность, праксис и как критерий истинности познания, и как воспитание, или процесс сознательного изменения природы человека, и как революционно-критическую активность широких народных масс, являющуюся «локомотивом истории». В отличие от него, зародившаяся чуть позже в XIX в. в кружке гарвардских метафизиков в США философия деятельности, как прагматизм и прагматизм концентрировала свое внимание не на изменении, а на сохранении существующего статус-кво, необходимости реализации не тотального революционаризма, а мелиоризма в соответствии с познавательным потенциалом особого вида веры как отправной точки успешного практического действия.

Создатель философии прагматизма американский мыслитель Ч.Пирс, специально подчеркивал в этой связи эвристическое значение, введенного в оборот И. Кантом понятия «прагматическая вера». Немецкий философ, различая веру и знание, выделял следующие виды веры: *доктринальную, негативную, случайную и необходимую*. Если человек болен, а причины его болезни неизвестны, пояснял свою типологию веры Кант, врач по определенным симптомам может только предполагать, что у данного человека чахотка. При этом его вера в справедливость собственного диагноза будет отнюдь не необходимой (таковой она была бы, если о причинах болезни он знал бы наверняка), а всего лишь случайной. Несмотря на то, что врач также может достоверно и не знать, чем именно болен его пациент, он, взяв на вооружение предположение о том, что у некоторого человека чахотка может действовать определенным образом. Именно используемая при этом случайная, и не необходимая вера, которая оправдывала бы его практические действия И. Кантом была названа прагматической верой.

В американской философии прагматизма прагматическая вера стала рассматриваться как предпосылка, и, если хотите, надежная предпосылка успешной человеческой деятельности, причем любого вида человеческой деятельности вообще, и, следовательно, например, в частности, действия инновационного. Как глубокий и оригинальный профессиональный философ Ч. Пирс, конечно, не считал, что прагматизм как философия действия является чем-то подобным, по выражению известного советского философа Э.В. Ильенкова, «философии продажи арбузов на улицах больших городов» (с позиций которой и не без влияния китайского прагматизма собственного образца, как известно, в годы культурной революции не только рассуждали, но и действовали в Поднебесной, ниспровергая, к примеру, памятники Кун-фу-цзы). Для Ч. Пирса,

философия действия была не знанием, т.е. не некоторым мировоззренческим образованием, а стратегией и методологией человеческого действия.

В работе «Закрепление веры» (“The Fixation of Belief” (1877 г.)), Ч. Пирс, совершенствуя декартовские представления об интеллектуальном сомнении как рациональной основе человеческой жизнедеятельности, обосновывал необходимость преодоления сомнения в деятельности в соответствии с ресурсами и потенциалом прагматической веры. Для него более предпочтительным был не столько чистый в духе Декарта и Канта *гносеологический творческий скептицизм*, сколько деятельность по наведению более или менее надежного моста между верой и действием, моста, позволяющего на основе имеющихся интеллектуальных ресурсов выстроить, если и не эффективное, то результативное материальное действие.

Такое действие предполагало к тому же сознательное использование определенного метода устранения проблемности в тех жизненных ситуациях, в которые обычно находится человек. Это обстоятельство в философии прагматизма, как нам представляется, указывало на то, что не все основоположения рациональной декартовой философии создателем американского прагматизма отвергались с порога. При этом методом соединения знания и действия для Ч. Пирса была, поэтому, не декартова или кантовская дедукция из *достоверных и отчетливых* элементов знания в соответствии с правилами движения мысли от простого к сложному, или соединения противоположностей, а прагматические методы *упорства* (tenacity) и *авторитета* (authority), априорный (a priori) метод, и, наконец, метод *научного исследования* (scientific investigation).

Обсуждая в своих философских работах, находившиеся на слуху в его время общественно-политические и экономические проблемы: свободы торговли и государственного протекционизма, распространения религиозных учений и ограничения прав женщин в США, родоначальник американского прагматизма убеждался на собственном опыте в невозможности прагматизма в качестве систематического мировоззрения. Такого мировоззрения, в котором уже имеются ответы на все возможные для человека вопросы, склоняясь к представлению о том, что если возможна философия деятельности в качестве прагматизма, то она должна быть знанием правил устранения проблематичности в различных контекстах человеческой деятельности, или методологией преодоления неопределенности любых проблемных ситуаций в жизнедеятельности людей. Следовательно, в философии прагматизма как философии деятельности в духе Ч. Пирса, по крайней мере, в нашей ее свободной интерпретации, никакая мировоззренческая инновация не могла быть предпосылкой подлинно инновационного научного действия, такого действия, у которого в соответствии с метафилософской необходимостью имеется лишь определенный *методологический инновационный смысл*.

С помощью использования пирсовского философского метода преодоления неопределенности, неопределенности на проверку по преимуществу все же индивидуально-психологической, человек может использовать любые предметы-инструменты, причем применять их и с разными целями, и во имя различных убеждений и мировоззренческих принципов.

Отвечая тем представителям и сторонникам идей прагматизма, которые усматривали в нем все же определенное и инновационное мировоззрение, Пирс приходил к выводу о необходимости использовать для обозначения специфики собственной философии действия не термина «прагматизм», а «прагматицизм». И сегодня у нас, по-видимому, нет достаточных оснований полагать, что именно прагматистская философия деятельности является более предпочтительной и(или) эффективной по сравнению с другими метафилософски обоснованными методами практического действия, а также их мировоззренческими и методологическими основаниями, предлагаемыми в различных неклассических философских учениях. Другое дело, что применительно к определенным контекстам человеческой деятельности, связанных, в особенности с турбулентностью и

неопределенностью в бизнесе и политике, он и сегодня остается едва ли не самым востребованным, в том числе и у ученых исследователей.

Вопреки Пирсу, его последователь, а в определенном смысле, и оппонент У. Джеймс попытался все же трансформировать изначально присущий прагматизму как философии деятельности мировоззренческий индифферентизм в особую мировоззренческую конструкцию. Эта конструкция как в отечественной, так и в зарубежной историко-философской литературе иногда, но, как нам представляется, все же не вполне корректно называют и *радикальным эмпиризмом*, и(или) философией позитивизма. Важно обратить внимание на то, что для самого У. Джемса прагматизм отнюдь не был ни эмпиризмом в его оппозиции к рационализму, ни позитивистским феноменализмом, а являлся метафилософией плюрализма деятельности, методологией соединения и преодоления в человеческой деятельности крайностей различных философских измов: не только эмпиризма и рационализма, но также номинализма и реализма, материализма и идеализма и т.д., и т.п. Отсюда и неожиданное, но только на первый взгляд предложение У. Джеймса, поддержанное также и другим видным английским философом прагматистом Ф. Шиллером предложение по переименованию прагматизма как философии деятельности в *гуманизм*. Прагматизм как гуманизм, согласно У. Джеймсу, является не совокупностью догм, а имеющей открытый характер методологией, стратегией действия, повернутой лицом к реальным проблемам реальных людей.

Как бы полемизируя с известной оценкой неопозитивиста Б. Рассела, прагматизма как философии, в которой, если ее метод верен, то «броненосцы и пулеметы "Максим" должны быть последними судьями философской истины», У. Джеймс заострял внимание на другом.

По его мнению, прагматизм, как методология деятельности не являлся совокупностью приемов осуществления человеком непродуманных прыжков через пропасть, но являлся такой философией деятельности, в которой *действие* является *первичным* и более предпочтительным по отношению к *недеянию*, *бездействию*. Такая философия, следовательно, если и могла уподобляться технологии прыжков через пропасть, то прыжков не любых, а только таких, в которых обязательно учитываются их последствия, а также оригинальность и самобытность.

В XX в не только в США, прежде всего в работах Д. Дьюи, но и в Советской России (у неомарксистов Д. Лукача, К. Корша), а в Италии (А. Грамши), а также в Польше (Т. Котарбинским) были реализованы разнообразные попытки метафилософской интерпретации философии деятельности в свете различных типов философского мировоззрения.

В таком контексте крайне востребованной оказалась концептуальная новация французского философа А. Эспинаса (1844-1922), который в 1890 г. ввел в оборот для обозначения философии деятельности термин «праксиология» на страницах журнала «Философское обозрение».

В наши дни это, по нашему счету, третье именование философии деятельности, наряду с названиями философской антропологией и гуманизма прагматистского толка нередко используется в метафилософских исследованиях, в которых праксиологию справедливо рассматривают в качестве относительно самостоятельного раздела философского знания.

Содержание современной праксиологии, как представляется, также определяют не только такие знатоки типов человеческого действия, как социолог и политолог М. Вебер, а также экономист Л. фон Мизес. Вполне оригинальными являются также представления о праксиологии польского логика и аналитического философа Т. Котарбинского, а также творившего в СССР А.К. Гастева (1882-1941) организатора Центрального института труда при ВЦСПС, и автора, опубликованного в 1922 г. учебного пособия с вполне праксиологическим названием: «Как надо работать» [3].

По пособию Гастева в СССР в 20-40-ые гг. XX в. ускоренными темпами готовились квалифицированные рабочие. Гастев четко различал рутину и новацию в работе и

обучении, рекомендовал в работе находить удобное положение тела и не входить в нее круто, и при возникновении в ней желания что-либо изменить, сначала то, что предлагается изменить изучить досконально. Вместе с тем, несмотря на существование в наши дни солидного круга праксиологической литературы, все же обращает на себя внимание то обстоятельство, что, по крайней мере, в русскоязычной литературе все еще не сложился консенсус относительно правильного именованья философии деятельности, ее единства и отличия от философской антропологии и прагматического гуманизма. В отечественной литературе в ходу, по крайней мере, два варианта написания имени праксиологии. И через «и», как и в греческом оригинале, что, является, на взгляд, правильным, и через «е», т.е. как «праксеология», что обязано, по-видимому особенностям перевода на русский язык работ о философии деятельности польского философа Т. Котарбинского.

Обратим внимание на то, что польский философ зарожение собственного интереса к праксиологии характеризовал следующими показательными словами: «...я был поражен, что мы постоянно оперируем такими понятиями как действие, способ, метод, продукт (в которых описываются различные элементы и *виды деятельности* - авт.), или такими как точность, старательность, удобство, напрасная трата [материала], халтура, баракло (в которых мы как бы высказываем оценки различных технических работ), и что ни одна из известных научных специальностей не занимается специально этими понятиями. Но ведь должна же появиться какая-то отдельная дисциплина, которая бы исследовала условия именно умелой деятельности во всей полноте, во всех сферах человеческой деятельности» [4]. С этим, очевидно, и в наши дни трудно не согласиться, различая в структуре философского знания праксиологию как философию деятельности со своей предметной областью и категориальным аппаратом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуешов В. И. Понятия философа и философии, или об актуальности метафилософии // Философия и социальные науки. 2014. № 1. С. 21-25
2. Чуешов В. И. Философия государственного управления в Древнем мире. Минск. 2008. 161 с.
3. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М. 1972. 478 с.
4. Котарбинский Т. Картина собственных раздумий. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/kotarbinnski/biograf.html> (дата обращения: 10.07.2024).

REFERENCES

1. Chueshov V. Poniatie filosofa i filosoofii ili ob aktualnsti metafilosofii [Philosopher and Philosophy Concepts, or about Methaphilosophy of Current Importance]. In: Philosophy and Social Sciences. 2014. № 1. P. 21-25. (In Russian)
2. Chuyeshov V. Filosofiya gosudarstvennogo upravleniya v Drevnem mire [Philosophy of Public Administration in the Ancient World]. Minsk. 2008. 161 p. (In Russian)
3. Gastev A.K. Kak nado rabotat'. Prakticzeskoe vvedenie v nauku organizacii truda [How work should be organized. A practical introduction to the science of work organisation]. Moscow. 1972. 478 p. (In Russian)
4. Kotarbinskyi T. Kartina sobstvennyh razdumii [A picture of my own reflections]. [Electronic resource]. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/kotarbinnski/biograf.html> (accessed: 10.07.2024). (In Russian)